

пользование метода наблюдения, поскольку он основан на реализации процедуры «видения», имеющей сложные психологические механизмы, отмеченные А. Усмановой [15]. Наиболее эффективным для сбора визуальной информации является метод структурированного, контролируемого наблюдения, который включает неоднократный просмотр фильмов с обязательной фиксацией наблюдаемой информации в форме записей с уточнением минуты просмотра, контекста и роли наблюдаемого эпизода в сюжете [10, с. 235–241].

4. Интерпретация сведений кино и реконструкция исторической реальности с учетом их *образной репрезентации*. Интерпретация визуальных источников нуждается в обязательной верификации путем сравнения с другими источниками информации.

5. Оценка степени влияния фильма на аудиторию, которая оценивается через достижение зрителями состояния мимезиса (греч. Μίμησις – подражание) – потребности следования экранным образцам. В этом смысле кинематограф может рассматриваться как инструмент социального программирования. Эффект мимезиса в обществе может достигаться не только благодаря высоким художественным достоинствам фильма, но и через повторяемость образов и сюжетов в разных картинах.

Таким образом, кино представляет собой особый способ отражения реальности через эмоционально-образное восприятие окружающего мира. При помощи технических и художественных средств кинематограф выражает свое отношение к определенным явлениям, событиям и влияет на огромную аудиторию, создавая образцы для подражания.

1. Баталина, В. А. Некоторые особенности источниковедческого анализа игрового кино / В. А. Баталина // Технотронные архивы в современном обществе: наука, образование, наследие : мат-лы науч.-практической конф., посвященной 10-летию факультета технотронных архивов и документов. – М. : РГГУ, 2004. – С. 61–64.
2. Волков, Е. В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти / Е. В. Волков, Е. В. Пономарева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – Челябинск, 2012. – Вып. 10(269). – С. 22–25.
3. Волков, Е. В. «Колчаковщина» в советском игровом кино / Е. В. Волков // Новый исторический вестник. – 2013. – Вып. 35. – С. 84–105.
4. Евграфов, Е. М. Кинофотодокументы как исторический источник : учеб. пособие / Е. М. Евграфов. – М. : М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, 1973. – 46 с.
5. История страны // История кино / ред., сост., автор предисловия С. С. Секиринский. – М. : Знак, 2004. – 496 с.
6. Кабанов, В. В. Источниковедение истории советского общества : курс лекций / В. В. Кабанов. – М. : РГГУ, 1997. – 385 с.
7. Каган, М. С. Морфология искусств. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/254738/>
8. Красинский, А. В. Кинодокумент и образ времени / А. В. Красинский ; ред. Е. Л. Бондарева. – Минск : Наука и техника, 1980. – 168 с.
9. Магидов, В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания / В. М. Магидов. – М. : РГГУ, 2005. – 448 с.
10. Мазур, Л. Н. Методы исторического исследования : учеб. пособие / Л. Н. Мазур. – 2-е изд. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 608 с.
11. Огнев, К. К. Реалии истории в художественной системе фильма (основные типологические модели на материалах мирового кинематографа) : автореф. дисс. ... д-ра искусствоведения / К. К. Огнев. – М. : Б.и., 2003. – 48, [1] с.
12. Сальникова Е. Эволюция визуального ряда в советском кино, от 1930-х к 1980-м / Е. Сальникова // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. – М. : ООО «Вариант», СЦПГИ, 2009. – С. 335–359.
13. Сыров, В. Н. Кино как исторический источник или некоторые размышления по поводу статьи О.Г. Усенко // Человек – текст – эпоха : сб. научных ст. и мат-в. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – Вып. 2: Современные проблемы источниковедения / под ред.: В. П. Кулемзина, Е. Е. Дутчак. – С. 26–41.
14. Трофимов, Е. А. Игровой фильм как исторический источник на примере изучения кинодокументов по истории Алжирской войны. 1954–1962 гг. / Е. А. Трофимов // Вестник архивиста. – 2012. – № 1 – С. 52–63.
15. Усманова, А. Научение видению: к вопросу о методологии анализа фильма / А. Усманова // Визуальная антропология : новые взгляды на социальную реальность. – Саратов : Научная книга, 2007. – С. 183–204.
16. Chatman, S. Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film / Seymour Chatman. – Ithaca : Cornell Univ. Press, 1978. – 288 p.

Яценко О.Г.

ПРЕДМЕТЫ БЫТА ГОРОЖАН В МУЗЕЯХ БЕЛАРУСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГРАФИИ ГОРОДА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Городской быт населения Беларуси конца XIX – начала XX в. нашел отражение в значительном объеме разнообразных письменных источников, степень их изученности достаточно высокая. Вместе с тем другие материалы, характеризующие бытовую культуру различных социальных, профессиональных, конфессиональных, половозрастных и иных групп городских жителей, в первую очередь предметы материальной культуры из фондов отечественных музеев, описаны и интерпретированы в гораздо меньшей степени. Однако роль подобных вещественных памятников в раскрытии сюжетов о повседневной жизни горожан белорусских губерний

Российской империи значительная, что объясняет целесообразность обращения к данной теме. Востребованность исследования предметов быта горожан как источника обусловлена также их широкой вовлеченностью в практическую сферу по реконструкции городской культуры музеями Беларуси. Сегодня воссоздание городского быта уже стало неотъемлемой частью музейных экспозиций не только в возникших на постсоветском пространстве музеях города, но и в других музейных учреждениях. Несмотря на относительно недавний специальный интерес к этой теме, здесь фигурирует заметное количество музейных предметов, представлены самые разные вещи бытового назначения, очевидна аттрактивность многих из них для посетителя. Это обстоятельство в свою очередь позволяет признать актуальным вопрос об анализе предметов городского быта как источника по этнографии города на Беларуси конца XIX – начала XX в.

Цель данного исследования – обозначение потенциала предметов быта горожан как источника по истории городской культуры Беларуси конца XIX – начала XX в.

Учитывая многообразие вещей, находившихся в использовании в домашнем обиходе городских жителей в указанный отрезок времени, были изучены те группы предметов, которые более часто находили применение в повседневности. Они могут быть проанализированы на основании коллекций, сформированных музеями Беларуси. К их числу принадлежат музейные предметы из фондов ГИКУ «Гомельский дворцово-парковый ансамбль», Музея истории города Гомеля, Музея истории города Минска, Национального исторического музея Республики Беларусь и др. Часть вещей, подлежавших анализу, отражена на фотографиях, опубликованных во 2 томе издания «Нарысы гісторыі культуры Беларусі» [1–3]. Значительный вклад в характеристику городского быта конца XIX – начала XX вв. внесли белорусские этнографы (В.Н. Белявина и др.) [4], его разные ракурсы в своих работах раскрыли российские исследователи на примере в основном столичных центров, но также и отдельных провинциальных городов [5; 6].

Число вещей, относящихся к городской повседневности, установить достаточно сложно, поскольку они, как правило, относятся к разным коллекциям, и в отдельные группы выделяются реже. Среди таких музейных предметов имеются уникальные, но большинство имеют сохранившиеся аналогии, поскольку для бытового использования посуда, столовые приборы, утюги, предметы освещения и другие изготавливались мануфактурным или фабричным способом по схожим шаблонам и при этом для удовлетворения спроса городских жителей в значительных количествах, вещи ремесленного или ручного изготовления также имели целью применение в практических целях, вследствие этого и они типологически близки друг другу.

Типичные подходы к формированию коллекций, связанных с бытом горожан, в отечественных музеях – это дарение, покупка у потомков владельцев и коллекционеров. История вещей в ряде случаев прослеживается довольно четко, этому способствует мемориальная память горожан и интересные истории, воспроизводившиеся из поколение в поколение в семьях в связи с некоторыми предметами. Положительным фактором часто выступает высокая стоимость предмета в момент его приобретения и бытовой эксплуатации, что приводило к стремлению бережно использовать и сохранять вещь, передавать в целостном виде детям (часы, музыкальные инструменты, дорогая столовая посуда и пр.) и описывать обстоятельства, которые с данными предметами были связаны. Ряд музейных предметов имеет информационные надписи, которые способствуют воссозданию их конкретных историй. Потомки называют имена и даты рождения владельцев, отмечают пути смены хозяев, вносят дополнительные сведения о характере использования предмета и даже подробно описывают место либо места нахождения вещи. Имеются комплексы вещей (например, мебели), наборы вещей (парадные сервизы), которые изначально поступают в музеи от одного владельца и имеют развернутое историческое сопровождение. К сожалению, в то же время «биографии» целых рядов музейных предметов уже не могут быть восстановлены, утрачены свидетельства об их принадлежности, часты случаи, когда даже их отношение к тому или городу не представляется возможным восстановить доказательно. Сдатчики указывают на частые переезды семьи, отсутствие информации, на каком этапе стала фигурировать вещь в домашнем быту их предков, была ли она новой или это уже имела хождение до этого и т.д.

Вопрос о датировке и подлинности предметов городского быта имеет широкую амплитуду – от точного определения по надписям, клеймам, способу изготовления, биркам, типам, фабричным номерам и пр. до крайне сложного ответа. По причине постоянной бытовой эксплуатации

многие вещи утратили свою целостность, несколько раз ремонтировались, перешивались, склеивались из разных элементов. Некоторые их компоненты были созданы позднее первоначальных, например, хронологически могут различаться корпус часов и их механизм, детали платья и его отделка (ткань и вышивка сорочки, блузки созданы вручную первоначально при пошиве, а кружево фабричного производства и пуговицы появились гораздо позднее и были прикреплены уже другими обладателями вещи). Научная интерпретация таких предметов затруднена.

Городской быт конца XIX – начала XX в. в выше названных музеях Беларуси представлен как специфическими вещами, относящимися исключительно к культуре городской элиты – изделия из драгоценных металлов, рояли, часы с высокохудожественным оформлением, стильная мебель знаменитых европейских фирм и т.д.; это также были предметы материальной культуры специального назначения в узком социальном кругу – карточные столики, театральные монокли, изящные женские украшения, красивые наборы канцелярских приборов и другие, редкие книги и гравюры, статуэтки для оформления интерьера. В музейных коллекциях находятся на хранении и общеупотребительные вещи, использовавшиеся в домах мещан, ремесленников и малоимущих горожан – просто оформленные дверные ручки, недорогие подсвечники, домашняя утварь для приготовления пищи и пр. Эти группы вещей имеют схожесть с теми, которые были свойственны не только городскому, но и крестьянскому быту – глиняные кувшины, полотенца, дверные ручки грубого изготовления, они находились в использовании городских жителей недостаточного имущественного положения и обитателей городских окраин, многие из их числа были выходцами из сельской местности.

Особенности функционирования бытовых предметов привела к тому, что значительная часть из них, хранящаяся в музеях, имеет невысокую степень сохранности требует реставрации. Такие вещи повседневного использования, как одежда, посуда, предметы ухода за домом и пр., имеют потертости, сколы, царапины, трещины, пятна и т.д. Они находились в повседневном обиходе и поэтому неоднократно ремонтировались хозяевами, переделывались и пр.

Музеи Беларуси обладают большим разнообразием предметов быта горожан, что позволяет оценить уровень комфортности проживания в городской среде и определить шкалу запросов и понимание престижности в разных социально-профессиональных и этнокультурных срезах. Для установления шкалы бытового комфорта имеют значение как сами предметы, так и их фрагменты, декоративные детали, отделка, качество изготовления, стиль. Такие выводы могут быть сделаны на основании характеристики предметов освещения, отопления, связи, транспорта (фонари, канделябры, часы, столовая посуда, одежда, мебель, инструменты и оборудование, которые применялись в домашнем быту и пр.). Здесь уместно назвать новинки городского быта, которые стали входить в обиход городского обывателя именно на рубеже конца XIX – начала XX вв. – различные инструменты для измерения, телефонные аппараты, швейные машины фирм «Zinger», «Naumann», велосипеды, приборы для воспроизведения музыкальных произведений. Примером может служить подборка швейных машин, выставленная для обозрения в Музее истории города Гомеля.

В экспозициях музеев более широко выставляются напоказ те экспонаты, которые в большей степени отражают черты городской культуры и являются более привлекательными для посетителя. Наряду с ними значительный источниковый потенциал имеют музейные предметы в фондах, которые еще не выставлялись или использовались ограниченно только для создания временных выставок. Часть из них относится к новым поступлениям. В совокупности они еще недостаточно исследованы и соотнесены с письменными источниками с целью целостной характеристики развития городского образа жизни на Беларуси.

К числу распространенных предметов, которые позволяют воссоздать домашний уклад жизни горожан и имеются практически во всех изученных музейных собраниях, относятся утюги и дешевые подсвечники, простые наборы столовых принадлежностей, вешалки для одежды, подставки, подносы, банки и коробки, упаковки продуктов и папирос, стеклянная посуда для напитков (стаканы, бутылки разной формы), фарфоровые изделия (тарелки, чашки, блюда), декоративные вещи (статуэтки, вазочки), аптечная посуда, флаконы для парфюмерии. Более редки коллекции тканей – нательной, повседневной рабочей одежды, их малочисленность объясняется износом, невысокой ценой, утилизацией самими хозяевами. Чаще в музеях представлены салфетки, покрывала, скатерти, отношение к которым в быту было более бережным. В этой

связи костюмы горожан в музеях чаще представлены реконструкциями, поэтому их использование для исследовательских целей ограничено либо невозможно. Более ценными в этом плане остаются украшения и аксессуары горожан и горожанок (пуговицы, фрагменты кружева, медалионы, флаконы духов, цепочки, кольца, карманные часы, дамские сумочки, зонтики, трости). Они содержательны и разнообразны, могут быть широко привлечены к исследованию городского быта. Также полновесными для источниковедческого анализа выступают группы музыкальных инструментов (пианино, рояли, скрипки, флейты и гитары), коллекции книг, имеющие пометки читателей на полях и иные надписи, свою известную историю. Удачно показана большая подборка музыкальных инструментов в экспозиции городского быта в Национальном историческом музее Республики Беларусь. Наряду с пианолами, граммофонами, они имеют достаточно точные сведения о фирмах изготовителях, хорошую сохранность, видовое разнообразие. В большинстве музеев имеются ценные для понимания своеобразия городского быта на Беларуси предметы религиозного культа (иконы, кресты, атрибуты религиозных церемоний, книги религиозного содержания и пр.). Они предназначались для осуществления обрядов представителями православия, католицизма, иудаизма и др. конфессий, сопровождаются известными информационными пояснениями, часто происходят из конкретных городских семей.

Таким образом, вещественные памятники, возникшие более столетия назад в городской среде и (или) использовавшиеся в повседневной жизни горожан, обладают весомыми содержательными характеристиками, что повышает их ценность в связи с исследованием культурных традиций города на Беларуси. Объективная оценка потенциала предметов быта городских жителей белорусских губерний конца XIX – начала XX в. также позволит более широко привлекать их для создания новых и обновления уже существующих музейных экспозиций и проведения тематических выставок по истории городской культуры Беларуси.

1. Яшчанка, А. Р. Побит гараджан Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. / А. Р. Яшчанка // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т. 2. Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы; А. І. Лакотка [і інш.]; А. І. Лакотка (гал. рэд.). – Мінск : Бел. навука, 2014. – С. 152–205.

2. Яшчанка, А. Р. Добраўпарадкаванне і сфера паслуг ў канцы XIX – пачатку XX ст. / А. Р. Яшчанка // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т. 2. Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы; А. І. Лакотка [і інш.]; А. І. Лакотка (гал. рэд.). – Мінск : Бел. навука, 2014. – С. 206–235.

3. Яшчанка, А. Р. Адукацыя ў гарадах Беларусі ў XIX – пачатку XX ст. / А. Р. Яшчанка // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. Т. 2. Культура гарадоў X – пачатку XX ст. / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы; А. І. Лакотка [і інш.]; А. І. Лакотка (гал. рэд.). – Мінск : Бел. навука, 2014. – С. 292–319.

4. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / В. К. Бандарчык [і інш.]; пад рэд. В. К. Бандарчыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 248 с.

5. Беловинский, Л. В. История русской материальной культуры / Л. В. Беловинский. – М. : Вузовск. книга, 2008. – 424 с.

6. Беловинский, Л. В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории / Л. В. Беловинский. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 912 с.